

Размышляя о чувстве интерьерности городской среды, мы неизбежно обращаемся к опытам переживания пространства, в которых взаимодействие человека и города выстраивается как эмоциональное со-бытие. Человек пребывает внутри, в центре особого энергетического поля, архетипически проживаемого как ДОМ. Тело человека и тело города образуют тесное единство, глубинные смыслы которого неизбежно проявляются в повседневных практиках городской жизни.

Ключевые слова: пространство города; теснота; внутреннее и внешнее; пластическая культура; социальное общежитие. /

Thinking about the feeling of interior of the urban environment, we refer to the emotional experiences of space, where interaction between a human being and a city is like an emotional coexistence. The human being is in the center of a special energy field archetypically experienced as HOME. A human body and an urban body make up a firm integration, the deep senses of which are inevitably manifested in everyday practices of urban life. Keywords: space of the city; narrowness; the internal and the external; sculptural culture; social coexistence.

Опыты пространства. Итальянский триптих /

текст
Леонид Салмин /
text
Leonid Salmin

Уроки тесноты

Всякому, кто хоть сколько-нибудь чувствителен к архитектуре, урбанистическому ландшафту и пластическим формам антропогенной среды, итальянские города дают удивительные опыты пространства. Один из бесценных – опыт тесноты, опыт плотного, густого пространства, где соотношение плотной материи и воздушных пустот таково, что близкое соседство другого тела (ландшафтного, архитектурного, человеческого) ощущается постоянно. Итальянцы привычны к такой плотности среды. Теснота городов, городков и городочков (особенно к югу от Рима) – важный и, как ни странно, положительный фактор, определяющий, с одной стороны, чрезвычайно толерантную культуру социального общежития; с другой – формирующий необыкновенно пластичный рисунок поведения горожан. Не говоря уже о высокоразвитых технических навыках движения в плотном, стесненном пространстве...

На Сицилии огромный автобус из Джардини-Накос в Таормину едет минут двадцать. Весь путь – это подъем от пляжной набережной Джардини вверх, по крутому серпантину, в старую, нагорную центральную часть Таормины. Автобус поднимается выше и выше, то справа, то слева открывая все более ошеломительные виды на залив, побережье, тесно громоздящиеся скалы, густо покрытые разнообразными ботаническими кущами, и на возвышающуюся вдали, над всем этим, грандиозную, неслышно курящуюся Этну с почти неизменной кучерявой шапкой облаков. На каждом, практически 180-градусном повороте водитель чуть притормаживает, аккуратно вписывая тушу автобуса в крутую дугу подъема. Делает он это с привычной точностью балетного танцовщика, артистично и легко.

При этом плотность трафика в Таормину и из нее напоминает Садовое кольцо в час пик. То и дело приходится обходить припаркованные вдоль дороги машины и разезжаться с такими же огромными встречными автобусами.

Зрелище разъезда автобусов, встретившихся на неудобном участке, наблюдаемое непосредственно изнутри салона, особенно впечатляет. Редко случается видеть такой потрясающий миллиметраж, когда улыбчивый водитель, исправно выдерживая зазор в палец толщиной,

Experiences in Space. An Italian Triptych

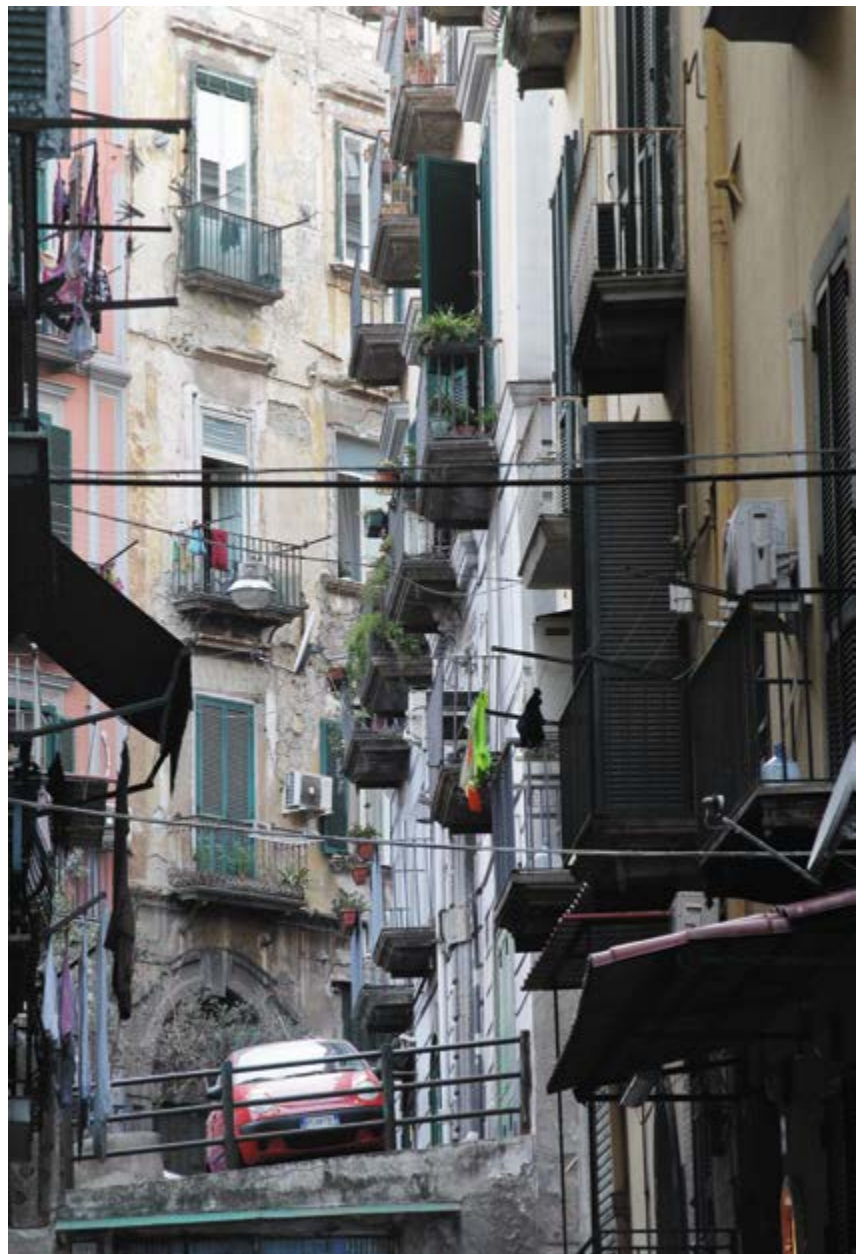
проводит огромное автобусное тело мимо другого такого же тела, без единого, без малейшего (но, как казалось, уже неизбежного) соприкосновения. Конечно, такой класс вождения отточен постоянной тренировкой (водитель проделывает подобное по многу раз в день).

Пешеходы же могут себе позволить несколько меньшую точность. Случайно соприкоснуться рукой с другим пешеходом вполне допустимо. В ответ вы почти наверняка получите встречную улыбку, выражающую терпеливое и доброжелательное понимание того, в каком плотно спрессованном мире происходит ваше невольное соприкосновение. Опыт тесноты и нечаянного соприкосновения – простейший урок индивидуации и социализации. Телесное соприкосновение – это ведь всегда начало размышления об отношениях «Я и Другой». Именно через опыт плотного пространства, через жизнь в нем, через тесноту и, в буквальном смысле, «чувство локтя» приходит как осознание своей отдельности, особенности, так и ощущение своего единения с другими людьми, с городом, с ландшафтом. Позитивный опыт тесноты – это знание того, что ты не одинок, что другие – рядом. Разве не с этого начинается нормальное человеческое общество взаимной доброты и взаимной терпимости?

Ведь даже в русской культуре, со всей ее привычкой к простору, не уйти от мудрого и вечного: «В тесноте, да не в обиде»...

Внутреннее и внешнее

Это тоже об итальянских опытах пространства. Конечно, они связаны и с теснотой, и с особой плотностью городской среды, но куда больше – с климатом. Города юга выстраивают между внутренними и внешними пространствами такие отношения прозрачности и взаимопроникновения, какие совершенно чужды городам севера. В северном городе зачастую внутри тепло, а снаружи холодно. Поэтому граница внешнего и внутреннего пространства работает как многоступенчатый термический шлюз, надежно отделяющий внутреннее от внешнего, и все формы поведения подчиняются этому разделению, колеблясь между плюсом и минусом. В городах юга температурный фактор работает иначе: колебания форм жизни происходят между плюсом и еще большим плюсом,

которые могут меняться местами в течение дня. Если добавить к этому плотность городского пространства, то становится понятно, почему, скажем, Неаполь, как и многие другие города итальянского юга, производит впечатление «города наизнанку». Множество проявлений принадлежащей внутренним пространствам, происходят снаружи. В старой части города квартиры первых этажей имеют выход непосредственно на тротуар (или даже проезжую часть) улицы без каких-либо тамбуров, шлюзов и прочих промежуточных пространств. Выход этот, как правило, открыт, и все, происходящее внутри дома, можно видеть с улицы. Довольно много событий и вовсе происходит тут же, перед входом. На проезжую часть запросто выставляются столики, вокруг которых сидят, беседуя или играя в карты, местные пышнотелые синьоры. Тут же играют их дети и внуки, сушится белье, паркуются велосипеды и мотороллеры. Этажи выше осуществляют экспансию вовне с помощью бесчисленных балконов, с которых буквально до середины улицы выдвигаются разные приспособы для сушки белья. Разноцветные флаги приватности – от простыней и покрывал до трусов и лифчиков – реют над головой пешехода, давая понять, что внутреннее в этом городе уверенно властвует снаружи. По крайней мере, в старых кварталах.

Северный горожанин, быть может, сочтет такую открытость внутреннего неким социальным эксгибиционизмом. И будет, скорее всего, неправ. Во всей этой вывернутости южного города наизнанку нет ничего специально демонстративного: ни агрессии, ни желания привлечь чье-то внимание. Просто у жителей уже выработался иммунитет к постоянному транзиту, проходящему через их жизненное пространство. Этот иммунитет давно стал культурой, соединяющей в одном пространстве несколько параллельных реальностей. А когда это так, отношения внутреннего и внешнего стоит искать уже не в регламентах общегитания или в социальной геометрии города, а в чем-то ином...

Войти в поле

От Пьяцца Толемеи спуститься по Банки ди Сопра вниз и, закатившись налево, в любую из похожих на бильярдные

лузы арок, выпасть внезапно на вечернюю Пьяцца дель Кампо... И одуреть от пространства. И, глотая воздух, как выдернутая из воды рыба, выпученными глазами пожирать не поддающийся описанию вид... И с этого начать свои отношения с Сиеной.

Упасть за столик одного из кафе, что наподобие зрительного зала окаймляют подкову архитектурного периметра площади, или сесть чуть ниже прямо на каменный паркет Кампо и упереться взглядом в Палаццо Публико, время от времени перемещая глаза ввысь, к царящему в небе белокаменному навершию Торре дель Манджа... И вот так, сидя и ощущая круглящуюся окрест тебя пустоту, понять, прочувствовать и полюбить исключительно уютную нелинейность пространства, соединяющего чело-веческую приватность с героическим урбанизмом.

За два века до нашей эры возглавлявший Александрийскую библиотеку Эратосфен Киренский доказал, что земля имеет шарообразную форму. Исчисляя радиус

земли, он использовал имевшийся возле библиотеки гномон (нехитрую астрономическую приспособу древности). Зная расстояние от Александрии до Сиены, он (в момент, когда Солнце находилось в зените над Сиеной) сумел рассчитать не только радиус планеты, но и длину ее меридиана. Семнадцать веков спустя отчаянные генуэзские авантюристы, а вдобавок и испанцы с португальцами, открыв эру кругосветного мореходства, лишь подтвердили на практике шарообразность Земли.

Сиенская Пьяцца дель Кампо, однако же, эту шарообразность настойчиво отрицает. На Кампо Земля выгнута совсем в другую сторону. Несмотря на то, что удаленная от моря Сиена оказалась невольно задействованной в древнем доказательстве шарообразной формы планеты, Земля для нее, похоже, даже в дученто-треченто продолжала стоять на трех слонах. Впрочем, не на трех – на двух. Третий куда-то ушел, и в этом месте Пьяцца дель Кампо прогнулась, образовав великолепную раковину,

в которой веками (особенно по вечерам) плещется божественный эликсир городского dolce far niente. Капли праздных людских тел разбрызганы по всему дну раковины (и каждое, без сомнения, считает себя жемчужиной). В жаркий полдень видно, как эти многочисленные капли стекают в тень кампаны, прорисовывая вдруг живой ручей народного тела, стекающий к цитадели городской власти – Палаццо Публико, главной исторической декорации места.

Люди на Кампо – именно публика, в самом что ни на есть театральном смысле. Актеры, статисты и зрители одновременно. Кампо – в изначальном значении «поле», чуть ли не «пастбище». Соединение раковины-амфитеатра с полем-пастбищем в архитектурных границах строя суровых палаццо синьорили (пожалуйста, проверьте написание – я нигде не нашла!), стискивающих пространство до необходимого драматического напряжения – вот наилучший урбанистический театр жизни.

Напротив Палаццо Публико, прямо через площадь, есть фонтан – спокойный, без римской барочной экзальтации, без брызжущего восторга перед водой, простой прямоугольный бассейн, ограниченный сдержанными мраморными рельефами. Он не про взрывную энергию живительной влаги, он про покой и мерное течение. Напротив фонтана, через площадь, прямо перед Палаццо Публико есть похожий на сценическую ракушку суфлера водосток. Этот водосток – главная точка, главное отверстие Пьяцца дель Кампо. В него (если вдруг переполнится фонтан напротив) утечет, перебежав площадь, лишняя вода. В него же стекают в непогоду потоки дождя. Похоже, в него же стекают и ручьи человеческой жизни, и окрестный воздух, и сама Пьяцца дель Кампо...

